

Мир науки. Социология, филология, культурология <https://sfk-mn.ru>
World of Science. Series: Sociology, Philology, Cultural Studies

2020, №3, Том 11 / 2020, No 3, Vol 11 <https://sfk-mn.ru/issue-3-2020.html>

URL статьи: <https://sfk-mn.ru/PDF/28KLSK320.pdf>

Ссылка для цитирования этой статьи:

Иливицкая Л.Г. Диагностика города: историко-культурный хронотоп и его показатели // Мир науки. Социология, филология, культурология, 2020 №3, <https://sfk-mn.ru/PDF/28KLSK320.pdf> (доступ свободный). Загл. с экрана. Яз. рус., англ.

For citation:

Iivitskaya L.G. (2020). City diagnostics: historical and cultural chronotope and its indicators. *World of Science. Series: Sociology, Philology, Cultural Studies*, [online] 3(11). Available at: <https://sfk-mn.ru/PDF/28KLSK320.pdf> (in Russian)

УДК 008.009+101.1

ГРНТИ 13.11.23

Иливицкая Лариса Геннадьевна

ФГБОУ ВО «Самарский государственный медицинский университет», Самара, Россия

Доцент кафедры «Философии и культурологии»

Кандидат философских наук, доцент

E-mail: laraili@mail.ru

ORCID: <https://orcid.org/0000-0003-3339-9946>

РИНЦ: https://elibrary.ru/author_profile.asp?id=698831

Диагностика города: историко-культурный хронотоп и его показатели

Аннотация. В статье предпринята попытка обосновать и показать возможности хронотопа в качестве инструмента диагностики города. Выбранный ракурс исследования обусловлен востребованностью в настоящее время трансдисциплинарного подхода к изучению города, предполагающего соединение управленческих практик и научных теорий, в том числе и культурологических. Работа опирается на интегративный и аналитический методы.

Город рассматривается в статье в своем «срединном бытии» как пространство смыслов. Присущая ему множественность смысловых реальностей раскрывается через свойственные им темпорально-топосные конфигурации. Хронотоп, связывая в единую структуру пространственно-временные и смысловые критерии, по мнению автора, позволяет диагностировать различные качественные состояния бытия города. Хронотоп представляет собой интегративный феномен, что позволяет говорить о различных его инвариантах (профанном, глобальном, инновационном и т. д.).

Автор сосредотачивает свое внимание на историко-культурном хронотопе, который отражает разворачивание исторического времени в пространстве города, представляя собой пространственно-временные основания бытийствования прошлого, заданного механизмом культурной памяти и выраженного в конкретных условиях его настоящего. В качестве показателей историко-культурного хронотопа, позволяющих осуществить культурологическую диагностику города, предлагаются полнота, концентрированность и коммуникативность. Полнота отражает какое прошлое, в каком объеме и каким образом актуализировано в настоящем для самообоснования города. Концентрированность указывает на уровень разъединенности города с точки зрения «центральности» места, определяемого его историческим прошлым. Коммуникативность показывает эффективность диалога между

городом и его жителями с точки зрения «переживания прошлого» и идентификационных механизмов.

Диагностика города с помощью предложенных показателей историко-культурного хронотопа позволяет, на наш взгляд, осуществить оценку его смыслового наполнения с точки зрения угроз и возможностей для его дальнейшего функционирования, определить базовые ориентиры, которые могут стать основой программ и проектов, связанных со стратегиями его развития, проектированием городской среды, созданием позитивного имиджа.

Ключевые слова: город; пространство; время; хронотоп; диагностика; смысл; история; память

Введение

Город является предметом глубочайшего и неизменного интереса достаточно широкого круга наук. Причем этот интерес со временем не ослабевает, а растет вместе с увеличением количества самих городов и распространением городского образа жизни. Однако, несмотря на столь пристальное к себе внимание со стороны научной мысли, город проблематизирован лишь отчасти и является не просто проблемой, а сверхпроблемой. Он настоятельно требует поиска новых исследовательских оптик, которые позволили бы не только расширить сферу теоретических построений, но и связать ее с практиками городского управления. Как отмечает Е.Я. Бурлина, для современных urban studies все большее значение приобретает «методология трансдисциплинарности, подразумевающая «транс» – движение «сквозь», «через», «за», в том числе трансдисциплинарное движение от городских практик к научным теориям и обратно» [1, с. 42].

Представляется, что заданный в данной работе акцент на диагностику города является одним из проявлений трансдисциплинарной ориентации, которая проистекает из специфики самого диагностического поиска, лежащего на стыке теории и практики, гносеологии и праксиологии, познания и преобразования, истины и пользы. Диагностический анализ, занимая «место между эмпирической и теоретической деятельностью» [2, с. 13], способен обеспечить эффективное осуществление процессов, связанных с управлением, прогнозированием, проектированием сложных систем, к которым в равной степени относится и город.

Хронотоп как инструмент диагностики города

Прежде чем непосредственно обратиться к вопросам, связанным с диагностикой города, следует обозначить то, как будет трактоваться сам город. Достаточно традиционным в разрезе диагностического анализа является его понимание как функционально-структурированного образования, наполненного типовыми закономерностями, состояние которого может быть оценено с помощью системы объективных показателей. Однако специфика культурологического подхода к исследованию города, состоящая в прояснении смысловых структур, в которых существует человек [3], задает собственный ракурс его рассмотрения. Город раскрывается в данном случае в своем «середином бытии» как пространство смыслов, возникающее в результате события восприятия, означивания, прочтения, понимания урбанистических реалий. И, следовательно, он уже не может быть представлен через систему изначально заданных нормативов. Город как смысловая многомерность и одновременно целостность требует своих собственных инструментов, позволяющих осуществить его диагностику, интерпретацию смыслового наполнения, оценку состояния и определения перспектив развития.

Представляется, что пространственно-временной комплекс – хронотоп – может быть рассмотрен в качестве той онтологической единицы, которая может быть положена в основу культурологической диагностики города. Город, представляя собой пространство смыслов, раскрывает себя в хронотопе и через хронотоп, так как согласно М.М. Бахтину, благодаря которому данное понятие и вошло в гуманитаристику, «всякое вступление в сферу смыслов совершается только через ворота хронотопов» [4, с. 406]. Это «вступление» позволяет говорить о целом ряде функциональных возможностей и значений хронотопа по отношению к городу. Так, хронотоп структурирует и организует пространство и время города, демонстрируя способ его восприятия. Благодаря тому, что хронотоп связывает в единую структуру темпорально-топосные и смысловые критерии, различные измерения города приобретают специфическое выражение, такие как «центр» и «периферия», «удаленность» и «близость», «старость» и «молодость», «опережение» и «отставание». Как отмечает И.Т. Касавин, хронотопические характеристики «служат разъяснению того, в каких именно координатах и векторах описывается динамика и статика человеческого бытия» [5, с. 7]. Следовательно, в хронотопе находят отражение смыслы города, которые могут быть объективированы только через их пространственно-временное выражение. Кроме того, исследование города с помощью темпорально-топосных параметров позволяет увидеть его как определенное смысловое единство, обладающее «элементами однородности и одновременно – многомерности» [6, с. 91]. Город в этой связи представляет собой единое целое, в котором воспроизводятся пространственно-временные структуры, наполненные насыщенной семантикой.

Следует отметить, что столь высокая значимость хронотопических параметров позволяет многим исследователям с их помощью определять сущность города. Так, Т.М. Дридзе отмечает, что «...город – это, прежде всего, особым образом организованное, обитаемое, жизненное пространство-время. Оно создается деятельностью людей, ментальность, культура, биографии, жизненные стратегии и повседневные запросы которых и составляют социальную основу сотворения рукотворных городских ландшафтов» [7, с. 26].

Город, представляя собой смысловую систему, характеризуется множественностью пространственно-временных конфигураций, каждая из которых позволяет прояснить то или иное его смысловое содержание в зависимости от того, какое именно время и пространство наполняется смыслом и данный смысл выражает. Это позволяет говорить о различных вариантах хронотопа [8], с помощью которых может быть осуществлена как «сборка» города, так и диагностика его состояний.

Город и его историко-культурный хронотоп

В данной статье мы сосредотачиваем свое внимание на историко-культурном хронотопе. С точки зрения историко-культурного хронотопа город представляет собой форму превращения исторического времени в элементы и структуры городского пространства. Время является функцией городской материи, организующей внутреннюю структуру городского пространства. Городское же пространство выступает, с одной стороны, результатом напластования времени, точнее времен (палимпсестом), а с другой – способом их упорядочивания, определяя каждому времени свое место. По меткому выражению С.С. Аванесова, «город, как он сформировался в течение истории, есть наглядный образ примирения времени с пространством» [9, с. 20]. Историко-культурный хронотоп призван зафиксировать репрезентацию исторического времени в культурном пространстве города и порожденные ей смыслы, закрепленные в городской ментальности.

Безусловно, рассмотрение города как места аккумулирующего, накапливающего и хранящего историю является одной из самых распространенных тем в культурологическом

дискурсе. Еще О. Шпенглер в своем знаменитом труде «Закат Европы» отмечал, что история культуры разыгрывается именно в городах. Причем, город не только имеет свою историю, он сам есть история, которую наилучшим образом отражает «лицо» города, «мимика» которого «представляет собой едва ли не всю историю души самой культуры» [10, с. 28]. Однако данная тематика, будучи широко представленной в теоретической плоскости, требует своего дальнейшего разворачивания в практическом аспекте, в управленческом плане. Такая необходимость обусловлена целым рядом факторов, из которых выделим два, наиболее существенных. Во-первых, речь идет об общем значении прошлого, истории, для существования любого города. Ю.М. Лотман отмечал, что «наличие истории является неперенным условием работающей семиотической системы. В этом отношении город, созданный "вдруг", мановением руки демиурга, не имеющий истории и подчиненный единому плану, в принципе не реализуем...» [11, с. 36]. Город без истории, город, лишенный необходимых символических резервов, не располагает и ресурсами для своего нормального функционирования. Его жизнеспособность именно как города ставится под сомнение. Во-вторых, она связана с ведущей направленностью современного урбанистического дискурса, касающегося перспектив развития городов. Обращаясь к вопросам планирования городского пространства, он, прежде всего, акцентирует внимание на чувстве комфорта, оставляя зачастую в стороне историко-культурную составляющую, позволяющую горожанину осознавать себя частью «большого времени» (М.М. Бахтин) культуры и истории. Лишаясь культурного опыта прошлого, человек утрачивает своё историческое измерение, превращаясь в объект манипуляций. Как справедливо отмечает Е.А. Устюгова, «если городская политика игнорирует эту составляющую экзистенциального мира человека, то она способствует сужению его личности, формированию ее несвободы по отношению к внешнему миру» [12, с. 214]. Таким образом, вопрос о диагностике города с точки зрения его историко-культурного хронотопа приобретает особую актуальность, связывая ее с определением миссии, стратегии и тактики развития города, которые являются производными от «понимания места и его истории или исторической ситуации, мировых глобальных тенденций, касающихся развития устройства самого города, возможностей работать с ресурсами своего развития» [13].

Показатели историко-культурного хронотопа

В качестве базовых показателей историко-культурного хронотопа, которые могут быть использованы для диагностики города, нами предлагаются следующие: полнота, концентрированность и коммуникативность.

Говоря о полноте историко-культурного хронотопа, мы исходим из того, что он представляет собой феномен, смысловое содержание которого определяется памятью о том, что имело место быть в прошлом города. Данный показатель является интегративным, что обуславливает необходимость ряда предварительных замечаний. Речь идет о видах и специфике функционирования культурной памяти, которая выступает основанием формирования историко-культурного хронотопа.

Говоря о видах памяти культуры, Ю.М. Лотман выделял память «информативную» и «память креативную (творческую)». Первая подчинена закону хронологии, имеет одно измерение, сопоставимое с ходом времени. Ее логика исходит из принципа «самый новый – самый ценный». Креативная память сродни памяти искусства. Здесь потенциально актуальными являются все тексты, а ход культурного движения задается переходами потенциального в актуальное и наоборот, при сохранении всего пространства потенциального. Согласно Ю.М. Лотману, «актуальные тексты высвечиваются памятью, а неактуальные не исчезают, а как бы погасают, переходя в потенцию» [14, с. 201]. Это позволяет говорить о панхронном, вневременном характере данного вида культурной памяти, с одной стороны, и о

ее возможности противостоять ходу времени, сохраняя «прошедшее как пребывающее», с другой.

Опираясь на трактовку креативной памяти и специфику ее функционирования, можно утверждать, что диагностика города в разрезе полноты требует выделения двух уровней историко-бытийного хронотопа: потенциального и актуального. На потенциальном уровне историко-бытийный хронотоп включает в себя весь исторический опыт города, хранящий память об исторических эпохах, событиях, людях и т. п., являющимися ключевыми для данного городского пространства, благодаря которым оно приобрело те или иные черты, особенности, то есть все то, что определяет облик города и его «душу». Именно здесь очерчивается круг тех реалий, которые подлежат отбору и наполнению определенными смыслами, с целью их актуализации в качестве наиболее значимых для данного настоящего. Однако потенциальный уровень историко-культурного хронотопа города – это только наличие различных возможностей. Реализация данных возможностей (вернее их части) обеспечивается на актуальном уровне историко-культурного хронотопа, который представляет собой, по сути дела, освоение с позиций настоящего потенциального уровня. Идея актуального уровня хронотопа предполагает, что мы находимся в точке настоящего и, обладая ограниченной перспективой, осуществляем стратегию отражения исторического пути города. Иными словами, он выхватывает из многослойной реальности города, заданной ходом его движения в историческом времени, те или иные смыслы прошлого, оформленные темпорально-топосными конфигурациями, наделяя их определенной автономией по отношению к общему пространству памяти города, но все же является производным от него. Он вытесняет реальный ход истории и подменяет ее своей собственной разбивкой времени и соединения пространств. Причем, говоря об актуальном уровне хронотопа, мы фиксируем его доминирование над потенциальным, несмотря на то, что последний является его первоисточником и уже, исходя из этого, должен обладать большей реальностью. Но в данном случае мы констатируем перевернутую ситуацию, когда именно актуальный уровень, задавая определенные темпорально-топосные координаты истории города, выступает в определенном плане как нечто автономное, обладающее большей подлинностью и реальностью, будучи вторичным по своей сути.

Полнота историко-культурного хронотопа находит свое отражение в степени соответствия между актуальным и потенциальным его уровнями. Речь идет о том, в каком объеме в настоящем представлено присутствующее в памяти прошлое, что конкретно из него извлечено: какие именно эпохи, события, гении-места и т. д. приобретают актуальность, ценность, смысл, благодаря различным практикам коммеморации. Обращение к такому параметру историко-культурного хронотопа, как полнота позволяет определить то, что наиболее важно для самообоснования города в настоящем; оценить разнообразие, разносторонность, величину спектра тех смыслов, которые востребуются городом, находя свое конкретное проявление в пространстве, объекте, образе [15, с. 20]. Безусловно, «свертывание» историко-культурного хронотопа, сведение его к ограниченному кругу смыслов, предоставляемых исторической памятью, является тревожным симптомом для развития города.

Другим аспектом диагностики города с точки зрения полноты его историко-культурного хронотопа выступает не содержательная работа с извлечением смыслов города, а функциональная, заключающаяся в способах их удержания. В этом отношении можно выделить, по крайней мере, три базовых подхода формирования и функционирования актуального уровня историко-культурного хронотопа. Первый подход предполагает, что прошлое игнорируется, «обнуляется», вследствие чего город представлен только своим настоящим. Данная ориентация связана, прежде всего, с таким феноменом, как «идеальный город». Ю.М. Лотман пишет, «идеальный искусственный город, создаваемый как реализация рационалистической утопии, должен был быть лишен истории, поскольку разумность

«регулярного государства» означала отрицание исторически сложившихся структур. Это подразумевало строительство города на новом месте и, соответственно, разрушение всего "старого", если оно здесь находилось» [11, с. 33]. Согласно второму подходу, настоящее города воспринимается как результат исторической динамики, что придает его пространству «исторический объем». При этом прошлое требует своего постоянного сохранения в неизменном виде, исходя из механизма преемственности. При всем положительном значении данного подхода его абсолютизация приводит к тому, что город начинает представлять собой скорее «открыточный набор исторических объектов», чем живую историю, где реальное прошлое, находится в органической связи с настоящим. Историко-культурный хронотоп такого города оказывается как бы вне времени, а также и вне истории, так как его достопримечательности «воспринимаются как исконные, вечные, неизменные репрезентанты (идоминанты) определенных территорий» [16, с. 18]. Третий подход, разделяя начальную установку второго, исходит из механизма наследования по отношению к прошлому, что означает его не только его сохранение, но и актуализацию по отношению к настоящему, благодаря чему история утрачивает свой статичный характер и «предстает не только как актуальная, но и как открытая в будущее» [9, с. 24]. Историко-культурный хронотоп в данном случае оказывается включенным в инновационную деятельность по трансформации городского пространства благодаря формированию новых смыслов прошлого, соответствующих требованиям времени.

Если полнота историко-культурного хронотопа в большей степени относится к репрезентации исторического времени, то концентрированность отражает его пространственную рассредоточенность. Историческое время в городском пространстве представлено с разной силой, что позволяет говорить о «ландшафте исторического времени», который характеризуется крайней неоднородностью его присутствия в тех или иных частях городского пространства. Разворачиваясь в пространстве, оно задает ценность и иерархию городских мест. В городе есть локусы-сгустки, где историческое время сосредоточено в наибольшем объеме. Это, прежде всего, исторический центр, который зачастую и опознается, собственно, как город. И места, не имеющие собственных исторических символов. Это периферийные районы, для которых характерна, не только «окраинность», но и историческая и культурная пустота. По утверждению К. Глазкова, периферия останется именно периферией, пока «в ней не найдется сильного смыслового ядра» [17], пока культурно-символический капитал места не найдет адекватных форм для своего выражения. Периферия в этом плане оказывается чем-то близкой тому, что З. Бауман определял как «пустые пространства», которым не приписано никакое значение. «Нельзя сказать, что они бессмысленны, пусты: из-за того, что эти пространства не несут в себе никакого значения, причем никто не верит, что они могут содержать таковое, то они и воспринимаются как пустые (точнее, невидимые)» [18, с. 117].

Обращение к концентрированности историко-культурного хронотопа, фиксирующую дуалистскую логику расщепления города на исторический центр и периферию, акцентирует внимание, прежде всего, на проблемах последних. С одной стороны, объем и количество периферийных районов является одним из наиболее очевидных симптомов развития города. С другой – обуславливает утрату городским пространством своей целостности. Содержательно незаполненные с точки зрения истории, периферийные районы, не воспринимаясь как собственно часть городского пространства, формируют в его ткани разрывы и лакуны. Безусловно, по отношению к ним речь не может идти о том, чтобы глубиной своего прошлого они могли конкурировать с историческим центром. Однако преодоление собственной «архитектурной безликости и культурной пустыни» [19] за счет создания оригинального набора культурных доминант, позволяющих вписаться в историю и задающих ценностный смысл данным районам, является насущной задачей и перспективным направлением развития. Более

того, поиск необходимых ресурсов для формирования значимого смыслового пространства периферийных районов – это вопрос, касающийся и будущего города в целом. Сошлемся на мнение С.Г. Ревзина, утверждающего, что судьба города зависит, прежде всего, от периферийных районов, которые составляют 70 % территории города. «Не в центре, не в парке, не в дезурбии будет решаться вопрос о том, каким станет город будущего. В спальном районе» [20, с. 18]. Высокая концентрированность историко-культурного хронотопа, его замыкание в узких границах исторического центра, порождает ситуацию неясного будущего не только для периферийных районов, но и для города в целом.

Если до этого, обращаясь к историко-культурному хронотопу, мы исходили из способности исторического времени через пространственные формы города порождать, транслировать смыслы, то при обращении к следующему показателю речь идет об обнаружении этих смыслов со стороны жителей города в ходе диалога с ним. Согласно А. Лефевру, «город посылает и получает послания. Эти послания воспринимаются или не воспринимаются (кодируются и дешифруются или нет)» [21, р. 70]. И с этой точки зрения мы можем говорить о коммуникативности историко-культурного хронотопа. Сама возможность в данном случае говорить о коммуникации обусловлена именно пониманием города как пространства смыслов.

Коммуникативность историко-культурного хронотопа может быть рассмотрена как результат соединения нескольких последовательных составляющих, находящихся в прямой зависимости друг от друга. Речь идет о когнитивной, ценностно-смысловой и нормативной стороне. Когнитивная составляющая представляет собой совокупность актуальной информации об истории (события, выдающиеся люди, эпохи и т. д.) города и формах ее пространственной материализации (памятники, достопримечательности, объекты архитектуры и т. д.), которой располагает горожанин. Данная составляющая выступает в качестве основания процесса коммуникации между городом и его жителями, так как без ее наличия дальнейшее разворачивание общения невозможно. Ее присутствие позволяет перейти на следующий уровень коммуникации, которая предполагает не просто передачу информации, но и конструирование смыслов и интерпретаций. Именно это свойство отражает ценностно-смысловой аспект, который подразумевает комплекс значений, смыслов, формируемых на основе актуализации прошлого города и представленных в виде таких форм городской культуры, как символы, метафоры, образы, формируемые в сознании горожан. Данные смысловые константы выполняет функцию культурных матриц, на основе которых происходит идентификация и самоидентификация города и горожан. Как отмечает С.С. Аванесов, «отношение к городу как к сложному пространственному комплексу, существующему в большом времени культуры, даёт его обитателям возможность формировать и позитивно переживать свою – личную и общественную – идентичность, формируемую только в контексте уникальной истории» [9, с. 21]. Нормативная составляющая акцентирует внимание именно на формировании городской идентичности, которая не возникает лишь благодаря проживанию человека на определенной территории. Она формируется именно благодаря тем смыслам и значениям, которые складываются у горожанина по отношению к городу. Причем особую значимость в данном процессе приобретают смыслы, порождаемые историко-культурным хронотопом данного города. «Идентичность является конструируемым социокультурным феноменом, ... основными формами её репрезентации выступают городской нарратив, культурная память, коммеморативные практики» [22, с. 47]. В оптимальном варианте историко-культурный хронотоп как коммуникативная система предполагает гармоничную идентификацию человека и места, позволяющую ощущать горожанина «у-местным», формирующим у него восприятие города как своего места, родного, обжитого с незапамятных времен близкого пространства, которое нельзя не любить, нельзя разрушить, нельзя забыть [23, с. 25].

Заключение

Таким образом, обращение к историко-культурному хронотопу позволяет увидеть и оценить город как сложную смысловую конструкцию, условиями формирования которой выступает пространственный комплекс города, репрезентирующий «большое время» истории и культуры в актуальном его бытии. Диагностика темпорально-топосных конфигураций города с помощью предложенных показателей может стать основанием для определения приоритетов городской политики, развития внутригородских территорий, формирования идентификационных механизмов, концепций городского имиджа, туристических брендов города и т. п.

ЛИТЕРАТУРА

1. Бурлина Е.Я. и др. Хронотопия города: Монография. Самара: ООО «Книжное издательство», 2016. 240 с.
2. Кучерявенко С.В., Быстрова А.Н. Диагностический анализ как методология познания сложных систем. Томск: Изд-во Томского политехнического ун-та, 2012. 131 с.
3. Куренной В. Квинтэссенция модерна [Электронный ресурс]. URL: <https://moslenta.ru/urbanistika/gorod-pozvolyaet-vam-ne-byt-chastyu-soobshestva.htm> (дата обращения: 20.08.2020).
4. Бахтин М.М. Вопросы литературы и эстетики. Исследования разных лет. М.: Худ. лит., 1975. 504 с.
5. Касавин И.Т. Пространство: бытийственная основа знания // Эпистемология и философские науки. 2008. Т. XVII. № 4. С. 5–15.
6. Новикова Н.Л. Идентификация человека в координатах городского пространства // Город и время: Интернациональный научный альманах Lifesciences. В 2 т. Т. 2. Самара: Книга, 2012. С. 90–94.
7. Дридзе Т.М. Вернуть столицу горожанам (О социальной диагностике в градостроительстве) // Общественные науки и современность. 1997. № 5. С. 26–34.
8. Бурлина Е.Я., Барабошина Н.В., Иливицкая Л.Г. Выход в город и хронотопия: история, повседневность, будущее // Философские науки. 2019. № 62(11). С. 27–45.
9. Аванесов С.С. Городское пространство как антропологический феномен // Праксема. 2018. № 2. С. 10–31.
10. Шпенглер О. Закат Европы: Очерки морфологии мировой истории. Т. 2. Всемирно-исторические перспективы / Пер. с нем. и примеч. И.И. Маханькова. М., 2003. 612 с.
11. Лотман Ю.М. Символика Петербурга и проблемы семиотики города // Семиотика города и городской культуры: Петербург. Вып. 664. Тарту, 1984. С. 30–45.
12. Устюгова Е.А. Антропологический поворот в современной урбанистике // TERRA AESTHETICAE. 2018. №1. С. 199–215.

13. Никитин В.А., Никитина Е.И. Принцип города: организационное предприятие [Электронный ресурс]. URL: <http://circle.ru/personalia/nikitin/pg.html> (дата обращения: 20.08.2020).
14. Лотман Ю.М. Память в культурологическом освещении // Лотман Ю.М. Избранные статьи. Т. 1. Таллинн, 1992. С. 200–202.
15. Нора П. Проблематика мест памяти // Нора П., Озуф М., де Пюимеж Ж., Винок М. Франция-память. СПб.: Изд-во СПбГУ, 1999. С. 17–50.
16. Запорожец О., Лавринец Е. Прятки, городки и другие исследовательские игры (Urban Studies: в поисках точки опоры) // *Communitas*. 2006. № 1. С. 5–17.
17. Глазков К. От Археологии периферии к Археологии смыслов. [Электронный ресурс]. URL: [http://socoftpower.ane.ru/uploads/2\(2014\)/SV14.pdf](http://socoftpower.ane.ru/uploads/2(2014)/SV14.pdf) (дата обращения: 20.08.2020).
18. Бауман З. Текущая современность. СПб.: Питер, 2008. 240 с.
19. Ачильдиев С. Спальные районы в ожидании культурного смысла // *Невское время*. 2014. 1 марта.
20. Ревзин Г. Что можно сделать из спального района // *Коммерсантъ Weekend*. 2019. №42. С. 18.
21. Lefebvre H. *Le droit à la ville*. Paris: Anthopos, 1968. 164 p.
22. Горнова Г.В. Соразмерность города и человека: проблемы формирования городской идентичности // *Праксема*. 2018. № 3. С. 43–56.
23. Анциферов Н.П., Анциферова Т.Н. Книга о городе: Город как выразитель сменяющихся культур. Л.: Брокгауз-Ефрон, 1926. – 224 с.

Ilivitskaya Larisa Gennad'evna

Samara state medical university, Samara, Russia

E-mail: laraili@mail.ru

ORCID: <https://orcid.org/0000-0003-3339-9946>

РИИЦ: https://elibrary.ru/author_profile.asp?id=698831

City diagnostics: historical and cultural chronotope and its indicators

Abstract. The article attempts to substantiate and show the capabilities of the chronotope as a tool for city diagnostics. The chosen angle of research is due to the current demand for a transdisciplinary approach to the study of the city, which involves a combination of management practices and scientific theories, including cultural ones. The work is based on integrative and analytical methods.

The city is considered in the article in its “middle life” as a space of meanings. The plurality of semantic realities inherent in it is revealed through their inherent temporal topos configurations. The chronotope, linking the spatial-temporal and semantic criteria into a single structure, in the author's opinion, allows one to diagnose various qualitative states of the city's existence. The chronotope is an integrative phenomenon, which allows us to talk about its various invariants (profane, global, innovative, etc.).

The author focuses his attention on the historical and cultural chronotope, which reflects the unfolding of historical time in the space of the city, representing the spatio-temporal foundations of the existence of the past, given by the mechanism of cultural memory and expressed in the specific conditions of its present. Completeness, concentration and communicativeness are proposed as indicators of the historical and cultural chronotope, which make it possible to carry out culturological diagnostics of the city. Completeness reflects what past, in what volume and how it is actualized in the present for self-justification of the city. Concentration indicates the level of disunity of the city in terms of the “centrality” of the place, determined by its historical past. Communicativeness shows the effectiveness of the dialogue between the city and its inhabitants in terms of “experiencing the past” and identification mechanisms.

Diagnostics of the city using the proposed indicators of the historical and cultural chronotope allows, in our opinion, to assess its semantic content from the point of view of threats and opportunities for its further functioning, to determine the basic guidelines that can become the basis of programs and projects related to the strategies of its development, designing the urban environment, creating a positive image.

Keywords: city; space; time; chronotope; diagnostics; meaning; history; memory